

§ ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Пархоменко Р.Н.

ГРАЖДАНСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОНИМАНИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Аннотация: В статье рассматриваются идеи одного из самых видных современных немецких философов и социологов Ю. Хабермаса (род. 1929) по поводу понятий гражданства и национальной идентичности. Хабермаса всегда занимал вопрос о культурном влиянии национальной идентичности на развитие конкретных государств. Хабермас пытается проанализировать, как процессы глобализации влияют на такие факторы общественной жизни, как правовая безопасность, суверенитет отдельного гражданина, коллективная идентичность в обществе и демократическая легитимность современных национальных государств. В результате рассмотрения идей Хабермаса делается вывод о том, что Хабермас однозначно выступает за универалистское понимание либеральных принципов. По его мнению, идентичность политической общности, держится прежде всего на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически-культурной форме жизни в целом». Политическая практика демократического государства не допускает существование какой-либо привилегированной культурной формы жизни в государстве.

Abstract: The article concerns the ideas of one of the renowned modern German philosophers J. Habermas (born in 1929) regarding the definitions of citizenship and national identity. J. Habermas was always interested in the issues of cultural influence of the national identity upon the development of specific states. J. Habermas is trying to analyze how the globalization processes influence the social living factors, such as legal security, sovereignty of a citizen, collective identity in a society, and democratic legitimacy of the nation states. As a result of analyzing the ideas of J. Habermas, the author draws a conclusion that J. Habermas unilaterally supports the universalist understanding of liberal principles. In his opinion the identify of a political community is based on the “legal principles rooted in a political culture, rather than special ethnic and cultural form of life in general”. The political practice of a democratic states does not allow for the existence of any privileged cultural form of life in a state.

Ключевые слова: Политология, Хабермас, гражданство, национальная идентичность, государство, либерализм, легитимность, суверенитет, право, глобализация.

Keywords: political science, J. Habermas, citizenship, national identity, state, liberalism, legitimacy, sovereignty, law, globalization.

1. Гражданство и национальная идентичность

Одного из самых видных современных немецких философов и социологов Ю. Хабермаса (род. 1929) всегда занимал вопрос о культурном влиянии национальной идентичности на развитие конкретных государств. Первоначальные идеи на эту тему были высказаны им в эссе «Гражданство и национальная идентичность», опубликованном в 1990 в качестве отдельной монографии; позднее этот небольшой текст был включен в состав книги «Фактичность и значимость». В более позднем труде «Вовлечение другого» вся третья часть книги посвящена рассмотрению вопроса о том, «есть ли будущее у национального государства?»

Хабермас отмечает, что зачастую идеализируемое или же превратно истолковываемое понятие «нации» дает предостаточно поводов для самых различных спорных утверждений на эту тему. С помощью понятия нации его приверженцы апеллируют то к «мнимому» праву на национальное самоопределение, то сталкивают позиции «мультикультурности» и политики прав человека, или же начинают относиться с подозрением к передаче суверенных прав «сверхнациональным учреждениям». «Апологеты этнической нации не сознают, что именно впечатляющие исторические завоевания демократического национального государства и республиканские принципы его устройства могут поучить нас тому,

как следует подходить к актуальным проблемам неизбежного перехода к постнациональным формам общественной организации».¹ Поэтому Хабермас и пытается разобраться в таком щепетильном вопросе как нация и национальное самосознание с предельной осторожностью и тщательностью.

Для того, чтобы яснее выразить свою позицию, Хабермас обращается к политической истории XX века. Здесь он выделяет три события, которые напрямую связаны с вопросами гражданства и национальной самоидентичности государств:

1. Объединение Германии, распад СССР и союза стран Варшавского договора породили целый ряд национальных конфликтов, прежде всего, в Восточной Европе и заострили вопрос о будущем национального государства;
2. Другой важной вехой прошлого столетия стало становление Сообщества Европейских Государств, явственно продемонстрировавшее для всех тот факт, что демократические процессы в рамках национальных государств сильно отстают от процессов экономической интеграции;
3. Третьим важным фактором в Европе стало появление огромной волны мигрантов из бедных стран в более богатые, тем самым обостряется противоречие между «универсалистскими основоположениями демократического правового государства, с одной стороны, и партикуляристскими требованиями сохранения цельности установившихся форм жизни – с другой».²

По поводу событий в Германии и в Восточной Европе Хабермас замечает, что эти события послужили толчком для возобновления дискуссий о путях построения т.н. «постнационального» общества. Эти дискуссии ведутся в Германии уже давно,³ а необходимость присоединения «новых» земель бывшей ГДР к «старым» землям ФРГ породила множество разнообразных и самых неожиданных вопросов.

Такое положение дел проистекает не только из-за «разнонаправленности» интересов различных политических партий в ФРГ, как полагает философ, но и из-за использования не до конца проясненных понятий. Если, к примеру, одна из спорящих партий рассматри-

вает присоединение новых земель как восстановление первоначального единства Германии – то здесь нация понимается как «дополитическое» единство или же как сообщество с единой исторической судьбой.

Другая точка зрения на этот вопрос, когда речь идет лишь о восстановлении демократии на территории бывшей ГДР – т.е. здесь подразумевается, что и ГДР и ФРГ все же являются нациям граждан. В этом случае понятие нации как субъекта государства лишается своего значения «дополитической народности», присущего этому термину в философии Нового времени.

А исчезновение «семантической связки между [понятиями] гражданства и национальной идентичности отражает тот факт, что сегодня, с превращением Европейского сообщества в политический союз, постепенно исчезает и классическая форма национального государства».⁴ По мнению Хабермаса, ход истории Европы приводит в эпоху Нового времени к тому, что ставится под вопрос такая форма существования государств как *империя* – Римская, Османская или Российская. Появляется и постепенно набирает силу новая форма организации государств, получившая название *федерации*. Так, в Швейцарии в эту эпоху федеративное государственное устройство помогло разрешить целое множество различного рода межэтнических конфликтов.

Однако наибольшее значение в Европе того времени получила все же третья форма государственного устройства – *централизованное территориальное государство* – как, например, в Португалии, Испании, Франции, Англии, Швеции. Изначально такая форма возникает из королевств, демократизируемых по французскому образцу. Именно этот вид государственного устройства и создал те рамочные условия, когда капиталистическая форма хозяйствования доказала свою наибольшую эффективность и поэтому получила широкое распространение по всему миру.

В классической политологии, отмечает Хабермас, понятие народа и этноса были четко отграничены друг от друга: народ обладает общественным мнением и способностью к рациональному волеизъявлению, этнос же есть историческая дополитическая форма общества индивидов, в основе которой лежат принципы кровного родства. Этнические общности «старших наций, которые, хотя и базируются на неких натуралистических мифах, являются искусственными обра-

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 49.

² Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 209-210.

³ См., к примеру: Glotz, P. 1990: Der Irrweg des Nationalstaats. Stuttgart, 1990; Habermas J. Vergangenheit als Zukunft? Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller, Zürich, 1991.

⁴ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 211.

зованиями. [...] Инфляция национального [...] приводит к эскалации этнического. Этнологическое понятие нации призвано реанимировать «чувство-мы» на более широкой, нежели кровно-родственная, основе».⁵

Хабермас отмечает, что именно национальное государство сформировало «инфраструктуру для управления, воспитанного в духе правового государства, и предоставило гарантии существования определенного пространства индивидуальной и коллективной деятельности, свободного от государственного вмешательства [...] и создало основу для формирования культурной и этнической гомогенности, благодаря которой с конца XVIII в. смогла осуществиться демократизация государственной системы – хотя, конечно, ценой подавления и изоляции национальных меньшинств. Национальное государство и демократия – близнецы, порожденные французской революцией. В культурном плане они стоят в тени национализма».⁶ Такое национальное самосознание является специфическим способом культурной интеграции народов в Европе, характерным для эпохи Нового времени.

Основные массы населения в ходе этой культурной интеграции оказываются «вырванными» из своих традиционных сословных связей – отныне главную роль начинают играть процессы экономической и социальной модернизации и мобильности населения. Таким образом, полагает Хабермас, мы приходим к тому, что население национального государства оказывается и мобилизовано, и разобщено одновременно.

Национализм являет собой не что иное, как определенный вид сознания людей, возникший в процессе «фильтрации» истории государства и рефлексивно-усвоения культурных традиций данного народа. Носителями национального самосознания являются образованные слои населения, а идеология национализма распространяется посредством литературы и публицистики. Такого рода каналы распространения идей национализма с помощью средств современной массовой коммуникации делают идеологию национализма уязвимой в отношении разного рода манипуляций и злоупотреблений.

Исторически национализм и национальное государство берут свое начало в понятии «нации». Так, у римлян «Natio» было именем богини рождения. Это понятие означало цивилизованный политической

союз в противоположность варварским языческим народностям. Во времена Французской революции нация граждан обретает свою идентичность не в «этнически-культурных сходствах, но в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию. Здесь республиканская компонента [идеи] гражданства полностью освобождается от принадлежности к дополитическому сообществу, интегрированному через происхождение, общие традиции и язык. Рассмотренный в этой перспективе первоначальный сплав национального сознания и республиканских убеждений оказывается выполняющим лишь функцию катализатора».⁷

Хабермас подчеркивает, что на возникновение национализма повлияли как историзм, так и идеи романтизма. Постепенно национализм встает на место естественной унаследованной национальности и становится искусственным конструктом – особой формой духа.

Хабермас указывает на существование в философии права двух противоположных трактовок понятия гражданства – либеральную и республиканскую – о различии в трактовке понятия демократии в либерализме и республиканизме уже говорилось ранее. Либеральная традиция естественного права, развиваемая первоначально в трудах Локка, говорит об индивидуалистически-инструменталистском понимании роли гражданина. Республиканская традиция, напротив, развивает коммунитаристски-этические представления в духе идей Аристотеля. «В первом случае гражданство понимается по образцу членства в какой-либо организации, которое обосновывает правовое положение [гражданина], во втором – по модели принадлежности к самоопределяющемуся этически-культурному сообществу».⁸

В либеральной традиции индивиды являются чем-то «внешним» по отношению к государству (которое, как известно, в капиталистической экономике вправе выполнять лишь роль «ночного сторожа» при государстве) – они вносят свой вклад в работу государства, а взамен пользуются организационной структурой государства для достижения своих собственных целей. Республиканцы же выступают за полную интеграцию граждан в политическое сообщество как части в целое.

Современные мультикультурные общества – такие как Швейцария или США являют нам пример

⁵ Марков, Б. В поисках другого // Хабемас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 27-28.

⁶ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 212.

⁷ Там же, с. 214.

⁸ Там же, с. 219.

того, что политические принципы построения государственной целостности не обязательно должны основываться на общем для всех граждан этическом или языковом фундаменте: «Либеральная политическая культура образуют лишь общий знаменатель конституционного патриотизма, который одновременно обостряет ощущение многообразия и неприкосновенности различных форм жизни, сосуществующих в мультикультурном обществе».⁹ Именно такая модель, по мысли Хабермаса, и должна быть принята в качестве основы для строящегося Европейского Сообщества. Итак, Хабермас твердо убежден в том, что идеи демократического гражданства носят *универсальный и наднациональный* характер.

Национализм в Европе в эпоху Нового времени способствовал как возникновению современной политической карты Европы, так и распространению формы капиталистического хозяйствования по всему миру. Рассматривая процесс создания объединенного Европейского сообщества, в качестве основной политической проблемы для граждан ЕС Хабермас называет увеличение разрыва между «вовлеченностью» и «участием»: «Все возрастающее число мер, решения о которых принимаются на наднациональном уровне, вовлекает в свою орбиту все большее число граждан во все более широких жизненных сферах. Но поскольку роль гражданина эффективно институционализована только в пределах национальных государств, граждане лишены всяких реальных возможностей тематизировать всеевропейские решения и оказывать на них влияние».¹⁰

Либеральные права генетически возникли из общественного положения частного собственника, а функционально либеральные права – это институализация рыночной системы, нормативно они гарантируют справедливое компенсаторное распределение общественного богатства. Поэтому либеральная основа Европейского Сообщества как надгосударственного единства должна смягчить неизбежные трения между отдельными государствами, входящими в это сообщество.

Интересно, что Хабермас даже сравнивает систему Европейского сообщества с великими империями, имевшими только один шанс появиться и затем навсегда исчезнуть на мировой арене. В качестве исключения из этого сформулированного им самим правила, он полагает, что современная Европа получила сегод-

ня второй такой шанс.¹¹ С тем однако отличием, что этот шанс может быть реализован, если только европейские политики откажутся от проведения привычной силовой политики и будут учитывать изменившиеся условия, диктующие достижения не-имперского взаимопонимания с другими народами и культурами.

Как ясно явствует из всего вышесказанного – и я повторяюсь в этом моменте – Хабермас однозначно выступает за универсалистское понимание либеральных принципов. По его мнению, идентичность политической общности, держится прежде всего на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически-культурной форме жизни в целом».¹² Политическая практика демократического государства не допускает существование какой-либо привилегированной культурной формы жизни в государстве. Хабермас также убежден в том, что появление статуса «гражданина мира» не только возможно, но что основные контуры мирового гражданства в своих основных чертах начинают прорисовываться уже сегодня.

2. Будущее современной демократии

Рассуждая о дальнейших путях развития западных демократий, Хабермас полагает, что массовая демократия государств «всеобщего благосостояния» находится в завершающей фазе своего развития. Процесс, начавшийся более двухсот лет тому назад французской и американской революциями привел к возникновению нового феномена в мировой политике – национального государства. «Территориальное государство, нация и сложившееся в национальных границах народное хозяйство образовали тогда историческое сочетание, при котором демократический процесс смог принять более или менее убедительную институциональную форму. Также и идея о том, что демократически устроенное общество может с помощью одной из своих частей оказывать на себя рефлексивное влияние как на целое, до сих пор осуществлялась только в рамках национального государства».¹³ Именно такие феномены как национальное государство и саморефлексия развитых западных демократий сегодня в результате глобализации постепенно утрачивают свои позиции.

¹¹ Там же, с. 233.

¹² Там же, с. 243.

¹³ Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 272.

⁹ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность, с. 223.

¹⁰ Там же, с. 227.

Хабермас не согласен с той точкой зрения, когда процессы глобализации, ведущие к созданию нового феномена в мировой истории – постнационального общества – оцениваются однозначно негативно. Немецкий философ полагает, что здесь мы пытаемся объяснить новое положение вещей с привычной нам точки зрения национального государства. Хабермас пытается проанализировать, как процессы глобализации влияют на следующие факторы общественной жизни:

- правовую безопасность в обществе;
- суверенитет личности;
- коллективную идентичность в государстве и, наконец,
- демократическую легитимность современных национальных государств.

Говоря о правовой безопасности, мы видим, что государства в этом отношении, как и прежде, остаются функционально отделенными друг от друга и здесь национальная сила государства даже сегодня не уменьшается. Суверенитет государств и монополия на власть государства также внешне остались без изменений, хотя растущие «взаимозависимости в сфере мировой политики ставят под сомнение предположение о том, что национальная политика вообще еще может территориально – в границах территории государства – совпадать с фактической судьбой национального общества. [...] В мире, все гуще переплетением в экологическом, экономическом и культурном отношениях, государства, принимающие законные решения, все реже совпадают по своему социальному и территориальному объему с лицами и регионами, которые могут быть потенциально затронуты последствиями этих решений».¹⁴

Современные политические и экономические союзы зачастую создают иные, отличные от географических, границы, столь же важные, как и географические границы национальных государств. Такие реалии современного мира, по мнению Хабермаса, нередко приводят к ситуациям «пробела» в легитимности законодательства в разных странах.

Коллективная идентичность как возможность политической интеграции граждан также демонстрирует нам сегодня «первые трещины» и признаки политической фрагментации некогда единого целого национального государства. Речь при этом идет не о межнациональных конфликтах внутри одного государства, о тенденции появления и постоянного усиления «этноцентрических» реакций коренного населе-

ния одного определенного государства против всего «чужого» – ненависть к иностранцам, иноверцам, к маргинальным группам общества и т.п.

Хабермас различает две формы такого рода процессов: с одной стороны, «когнитивные диссонансы, ведущие при столкновении различных культурных форм к закалке национальной идентичности; с другой – гибридные дифференциации, которые размывают сравнительно гомогенные жизненные формы вследствие того, что культуры отдельных стран ассимилируют всемирную материальную культуру, превратившуюся в безальтернативную».¹⁵ Факт «культурного диктата» западного образа жизни и западной массовой культуры приводит к появлению новых альтернативных проектов как в самих западных, так и в незападных странах. Такая тенденция, полагает Хабермас, «истощает» ресурсы гражданской солидарности и ведет к ослаблению позиций классического национального государства.

Что касается демократической легитимности в современных государствах, то процессы глобализации ведут к тому, что экономические интересы начинают господствовать над политическими. Национальные государства сегодня сталкиваются с трудностями при сборе налогов, при попытках стимулировать экономический рост в собственной стране – здесь возникают проблемы государства при попытке гарантировать «существенные основы» своей легитимности. При этом попытки восполнить этот дефицит с помощью соглашений на международном уровне, как правило, этот дефицит не восполняют.

Сегодня мы имеем такую ситуацию, когда национальные правительства из-за имплицитной угрозы оттока капитала затеяли «соревнования по дерегулированию экономики, понижающие расходы, приводящие к неприлично высоким прибылям и чудовищной разнице в доходах, к повышению безработицы и социальной маргинализации все более нищающего бедного населения».¹⁶

В социальном плане, ускоряющиеся процессы глобализации ведут к такому пониманию человеческой свободы, когда каждый человек может полагаться лишь на самого себя и, тем самым, индивид полностью изолирует себя от других членов общества. Это формирует целерациональное восприятие собственных интересов индивида, но одновременно и стимулирует его к созданию

¹⁴ Там же, с. 284-285.

¹⁵ Там же, с. 288.

¹⁶ Там же, с. 297.

новых социальных связей и новых правил для совместного проживания.

Сегодня жизненный мир отдельной личности, деформируемый процессами глобализации и новой открытости мировым процессам, необходимо снова «закрыть», но закрыть в расширенных горизонтах. При этом свободные пространства «расширяются во всех трех измерениях – пространства для рефлексивного усвоения традиций, стабилизирующих идентичность; пространства автономии для взаимного общения, соотносящиеся с нормами социального общежития; наконец, пространства для индивидуального оформления личной жизни».¹⁷ Хабермас отмечает, что со времени Французской и Американской революций происходит постоянное «закрывание» государственно-правовой политической системы в условиях эгалитарного универсализма с тенденцией на включение «другого» в систему общества на равных правах.

В настоящее же время мы сталкиваемся с двумя вызовами со стороны постиндустриального глобализирующегося мира: «политкультурализмом» и «индивидуализацией». Эти вызовы заставляют нас отказаться от соединения идей конституционного государства с идеями «национального» государства, чтобы гражданская солидарность смогла обновиться на новом, более абстрактном уровне. Процессы глобализации в современном мире приводят к тому, что традиционно закрытое национальное государство постепенно внутренне открывается и допускает в себя иные культурные стандарты.

В тоже время процессы глобализации суживают пространство для действий правительства традиционных национальных государств, открывая «суверенные государства и вовне, по направлению к международным режимам. Если цикл открывания-закрывания удастся без социально-патологических побочных последствий, то политика, неразрывно связанная с глобализированными рынками, должна будет осуществляться лишь в таких институциональных органах, которые не нарушают условий легитимности демократического самоопределения».¹⁸

Возвращаясь к своей излюбленной идее о возникновении нового типа политической личности – «гражданина мира», Хабермас отмечает, что граждане мира сумеют организовать на глобальном уровне и создать в будущем демократически избираемое правительство. При этом нормативная сплоченность граждан

мира будет основываться не на этико-политическом самопонимании как выделении из других традиций, но только лишь а основе самопонимания морально-правового начала общества. Моделью такого нового межнационального сообщества может кантовское царство целей, когда нормативные рамки космополитического общества задаются лишь правовыми нормами морального содержания, «моральным универсализмом» прав гражданина мира. Таким образом, проблема прав человека становится предметом рассмотрения морали, а теория коммуникативного действия Хабермаса пытается соединить политические, моральные и юридические сферы общества.

Б. Марков отмечает в этой связи, что «Союз народов» Канта, и современное «мировое сообщество» – это совершенно разные вещи. Хабермас анализирует их плюсы и минусы и подчеркивает, при этом, преимущества модели «союза народов» Канта, где мирное сосуществование различных государств достиглось не с помощью «мирового правительства», а силами общественности. «Высказывая критику в адрес международной бюрократии, Хабермас всячески поддерживает комиссию по правам человека, которая рассматривает индивидуальные жалобы и располагает эффективными инструментами для наказания тех, кто нарушает основные права».¹⁹

По мнению немецкого философа, солидарность между гражданами мира имеет реактивный характер и направлена на обеспечение и поддержание космополитической сплоченности через «аффекты возмущения» по поводу нарушения прав граждан мира. «Инклюзивное, но организованное в пространстве и времени правовое сообщество граждан мира, разумеется, отличается от универсального сообщества моральных личностей, которые неспособны к организации и не нуждаются в ней. С другой же стороны, оно не может достичь сравнительно жесткой степени интеграции государственным образом организованного сообщества с собственной культурной идентичностью».²⁰

Тем не менее, космополитическое сообщество граждан мира не может дать достаточной основы для мировой политики – здесь нам необходимы менее претенциозные легитимационные основы, ведь достижения лишь «чистых» компромиссов для функционирования мировой политики недостаточно. Мировая политика в условиях космополитической картины мира будет представлять собой не статическое состояние

¹⁷ Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 302.

¹⁸ Там же, с. 303.

¹⁹ Марков, Б. В. поисках другого. С. 34-35.

²⁰ Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 335.

политики в рамках некой мировой организации, но динамическое состояние взаимодействий между политическими процессами, протекающими как на национальном, так и на международном и глобальном уровнях.

Хабермас отмечает, что в классическом либерализме политическая активность граждан понимается чисто волюнтаристски – как признание того факта, что все индивиды общества должны иметь равные шансы на проявление своих предпочтений. Если дополнить такое понимание политической свободы еще и «эпистемической» функцией, то в результате мы получим такое состояние общества, когда демократические процедуры будут получать свой легитимирующий характер из общедоступности консультативного процесса и, таким образом, обосновывать получение рационально приемлемых результатов в обществе.

Таким образом, в дискурсивной теории политической свободы акценты смещаются с конкретного воплощения воли в актах выбора на процедурные требования к процессам коммуникации и принятия решений. В рамках теории дискурса можно было бы наделить такую космополитическую межгосударственную организацию особыми правами на требования проведения государствами-членами референдумов по важным вопросам. Только так можно было бы достичь хотя бы тематизации по «нуждающимся в урегулировании вопросам, каких никто не воспримет без таких публичных «инсценировок» и которые не попадут ни в одну политическую повестку дня».²¹

Первыми намеками на появление такого нового «космополитического» миропорядка, по мнению Хабермаса, могут стать не законы правительств разных государств, а сами граждане и гражданские движения. Политические партии сегодня должны обладать духом предвидения и в рамках национального пространства действия партии обязаны предвидеть то, что может произойти в рамках сообщества государств – такого, как, например, сообщества стран-членов ЕС.

Политические реалии современного мира таковы, что хотя национальные государства и остаются еще «решающими акторами» на внешнеполитической арене, но эту арену они должны сегодня «поделить с негосударственными *global players*²² – мультинациональными корпорациями и неправительственными организациями, которые проводят свою собственную политику, опираясь на деньги или ресурсы влияния.

Но только государства обладают правом и легитимной властью над ресурсами управления. [...] Негосударственные акторы [...] не становятся «правом», если они не являются продуктом деятельности национальных государств или органов надгосударственных, но политически организованных общностей».²³

Итак, сегодня мы являемся свидетелями того процесса, когда в ходе все более ускоряющихся процессов глобализации национальные государства теряют часть своих компетенций, но, с другой стороны, перед национальными государствами открываются новые возможности для достижения своих целей. Речь идет о появлении т.н. каналов политического влияния «управления без вмешательства правительств» как «мягкой» альтернативы традиционным дипломатическим каналам или же прямой военной угрозы. Как яркий пример, подтверждающий эту мысль, Хабермас называет размывание границ между внутренней и внешней политикой в государствах.

Все более возрастающая взаимозависимость государств приводит к тому, что происходит формирование нового международного дискурса, который задает новую конструкцию внутри- и межгосударственных правовых отношений: «Через участие в дискуссиях, через применение нового права нормы, которые зачастую многими гражданами и чиновниками признаются только вербально, постепенно превращаются во внутренние установки. Так и национальные государства учатся воспринимать себя одновременно как членов более крупных политических общностей».²⁴

Проблемой при этом является невозможность разрыва «цепей легитимации» демократического гражданского участия в таких крупных межгосударственных организациях, как, к примеру, ЕС. Однако, солидарность граждан государств-членов ЕС должна в любом случае выходить за пределы национальных границ этих государств. Хабермас иронически замечает, что межгосударственная солидарность – это весьма «скудный ресурс», для получения которого необходимо приложить весьма немалые усилия.

Большое количество растущих проблем и противоречий, возникающих сегодня в процессе коренного изменения существующего миропорядка господства национальных государств на мировой арене, лишь усиливает «чувствительность» к осознанию того факта, что необходимо новое регулирование мировой политики на межгосударственном уровне – такое ре-

²¹ Там же, с. 339.

²² Глобальные игроки – англ.

²³ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 168.

²⁴ Там же, с. 169.

гулирование должно осуществляться где-то на границе между политикой отдельных национальных государств и деятельностью ООН.

Сегодня еще нет таких акторов и методов для проведения системы переговоров, которые могли бы «с боем взять такую мировую внутреннюю политику. Политически организованное мировое общество можно представить с реалистических позиций только как многоуровневую систему, которая останется несовершенной без такого промежуточного уровня».²⁵

Этим прогнозом Хабермаса в отношении будущего развития мировой политики мне и хотелось бы завершить рассмотрение идей Ю. Хабермаса по поводу научного статуса понятий гражданства и национальной идентичности в современном мире.

Библиография:

1. Марков, Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008.
2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции интервью, Москва, апрель 1989 г. М., 1995. 250 с.
3. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
4. Хабермас Ю. 2005: Политические работы. М., 2005. 368 с.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. 417 с.
6. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. 192 с.
7. Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats. Stuttgart, 1990.
8. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft? Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller, Zürich, 1991.

References (transliteration):

1. Markov, B. V poiskakh drugogo // Khabemas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii. SPb., 2008.
2. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost': moskovskie lektsii interv'yuu, Moskva, april' 1989 g. M., 1995. 250 s.
3. Khabermas Yu. Grazhdanstvo i natsional'naya identichnost' // Khabermas Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. M., 1995.
4. Khabermas Yu. 2005: Politicheskije raboty. M., 2005. 368 s.
5. Khabemas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii. SPb., 2008. 417 s.
6. Khabemas Yu. Raskoloty Zapad. M., 2008. 192 s.
7. Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats. Stuttgart, 1990.
8. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft? Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller, Zürich, 1991.

²⁵ Там же, с. 171.